

ББК 63.3(2)4

П.П. Котов

Неземледельческие занятия удельных крестьян Европейского Севера России

P.P. Kotov

Nonagricultural Occupations of Appanage Peasants in the European North of Russia

Выявляется значение промыслов, ремесел и других неzemледельческих занятий в жизни удельных крестьян Европейского Севера России. Анализируется структура этих занятий, их эволюция, степень вовлеченности в них крестьян и доходность работников от неzemледельческой деятельности.

Ключевые слова: удельные крестьяне, неzemледельческие занятия, промыслы, смолокурение.

Важной составляющей жизнедеятельности крестьянства России в эпоху феодальных отношений являлись неzemледельческие занятия. Особое значение они имели для сельских производителей Европейского Севера страны. Однако эта тема в существующих трудах исследовалась в основном по государственной деревне Европейского Севера [1, с. 302–315; 2, с. 320–333; 3, с. 4–20]. Неzemледельческие занятия удельных крестьян региона совсем не изучались. Между тем существуют довольно многочисленные опубликованные и архивные документы, позволяющие проанализировать данную проблему.

По указу Павла I от 5 апреля 1797 г. в 36 губерниях страны была образована новая категория податного населения – удельные крестьяне. Они призваны были обеспечивать средствами младших членов императорской семьи [4]. В удельной деревне Архангельской губернии в 1798 г. числилось 40288 ревизских душ обоого пола, в 1858 г. – 51695, в Вологодской губернии, соответственно – 48709 и 80203 душ [5, л. 2–12; 6, л. 228об.]. Для управления удельными имениями России был создан Департамент уделов, который с 1826 г. входил в состав Министерства императорского двора и уделов. На местах в 1797–1798 гг. были образованы 9 удельных экспедиций, в том числе Архангельская, в которую вошли все бывшие дворцовые волости Севера России. По новому «Положению о Департаменте уделов» 1808 г. на Севере были созданы Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения), объединенные в 1858 г. в Вельскую контору [7; 8]. Территории удельных экспедиций, впоследствии – контор, делились на приказы и отделения, которые управлялись на правах крестьянского самоуправления.

The article shows an importance of businesses, handicrafts and other nonagricultural occupations in the life of appanage peasants in the European north of Russia. The author gives an analysis of their structure, evolution, rate of peasants' involvement and profitability of nonagricultural activity.

Key words: appanage peasants, nonagricultural occupations, businesses, tar extraction.

Удельные крестьяне Севера проживали в зоне таежных лесов, и, естественно, их неzemледельческая деятельность была связана с лесными промыслами. Они занимались заготовкой строевого леса, дров, угля по подрядам (заказам) от казны и купцов. В 1826 г. крестьяне Устьважского удельного приказа подготовили по подрядам для Архангельского порта 15 тыс. четвертей древесного угля, 2 тыс. сажений аршинных и 50 сажений трехаршинных дров [9, л. 2]. В следующем году удельные крестьяне Сольвычегодского уезда Вологодской губернии рубили лес для купца Пьянкова [10, л. 1–2]. Число занятых лиц и объемы подобных работ колебались по годам. В 1857 г. в Вологодской конторе вырубкой леса по подрядам занималось около 400 крестьян, которые заготовили леса на 8289 руб. (по 20 руб. на душу), а в 1858 г. – только 46, доход которых составил 1449 руб. (по 32 руб. на душу) [11, л. 41об.; 12, л. 63].

Рубкой леса и дров удельные крестьяне все чаще занимались и по билетам (специальным разрешениям), которые они, после соответствующей платы, брали у форштмейстеров (лесников). В этом случае они проявляли инициативу и предлагали не рабочие руки, а товар. В 20-х гг. XIX в. крестьяне Верховского и Устьвельского приказов Вологодской конторы обеспечивала дровами все «заводы» Верховажского посада [13, л. 7]. В 1859 г. 18 крестьян Верховского приказа вырубали и продали 2100 деревьев [14, л. 49об.]. В 1831 г. древесный уголь выжигали 652 крестьянина Архангельской конторы, которые часть продукции отправляли в Архангельск, часть – продавали на месте [15, л. 40].

Многие крестьяне заготавливали березовую скалу (бересту), строили плоты для сплава смолы и товаров, делали бочки, ушаты, кадки, деревянные ведра,

тес и доски [16, л. 13–15; 17, л. 48–49; 18, л. 28–29]. В 1857 г. в Вологодском имении этим занимались 1872 чел., которые имели доход 12503 руб. – в среднем по 6,68 руб. на человека [11, л. 41об.].

Но вся указанная трудовая деятельность производилась эпизодически, зависела от конкретной потребности заказчиков и различалась по годам. Более регулярный характер носило производство смолы. Основными производителями смолы в конце XVIII – первой половине XIX в. являлись удельные крестьяне Шенкурского уезда Архангельской губернии и соседних Вельского и Сольвычегодского уездов Вологодской губернии. В 1815–1843 гг. в Архангельском имении добывалось от 40 до 70 тыс. бочек смолы (около 95% по губернии), в Вологодском – от 25 до 40 тыс. бочек (около 90% по губернии). В 1859–1861 гг. крестьяне Вельского имения производили от 60 до 80 тыс. бочек смолы, или 94–96% всей ее добычи на Севере [19, л. 173–174; 20, л. 261об.; 21, л. 2; 22, л. 68–69; 23, л. 192–193об.].

В первой половине XIX в. смолокурением занимались от 2,5 до 3 тыс. семей, или около 45% всех хозяйств Архангельского удельного имения и от 1 до 1,5 тыс. семей, или более 15% Вологодского имения [15, л. 67об.; 22, л. 68–69; 23, л. 164–168]. Производство смолы было более развито в местах, расположенных вблизи от сплавных рек. В 1839–1841 гг. добычей смолы занимались около 20% крестьян Устьяжского приказа Архангельской конторы, 55% Устьяденского приказа и свыше 60% крестьян Предтеченского приказа [24]. В 50-х гг. XIX в. в Афанасьевском приказе Вологодской конторы добычу смолы вело почти 50% крестьян, в Верховском – около 10% [14, л. 49об.; 25, л. 65об.].

Доходы смолокуров зависели от цен, пошлин, количества добываемой смолы и производительности труда. Средние цены за бочку смолы в Архангельске были в переводе на серебряный номинал (руб. сер.) следующими: 1810–1820 гг. – 1,83 руб.; 1821–1830 гг. – 1,57 руб., 1831–1840 гг. – 1,83 руб. и 1841–1851 гг. – 2,42 руб. [26, с. 208–221; 27, с. 89–90; 28, л. 48]. Это не означало, что такими же были доходы крестьян.

Для начала отметим, что выкурка смолы производилась в основном на экспорт. До начала XIX в. производство смолы и доставка ее к Архангельскому порту не облагались никакими пошлинами. Интересы крестьян были существенно затронуты указом от 12 ноября 1810 г., по которому вводились денежные сборы за смолокурение. Эти сборы увеличились в 1820 г., затем в 1838 г. и составляли с каждой бочки смолы в 1811–1820 гг. примерно 0,36–0,47 руб. сер., в 1821–1838 гг. – 0,54–0,58 руб. сер. и с 1838 г. – 1,05 руб. сер. [23, л. 174–176; 29, л. 1–5].

Разницу между ценой бочки смолы и пошлинами крестьяне могли получать лишь в том случае, если бы сами занимались сбытом товара в Архангельске. Для

этого необходимо было купить торговое свидетельство, что имело выгоду только при наличии больших партий смолы. Торговлю смолой монополизировали скупщики (богатые крестьяне и купцы), которых в конце 60-х гг. XIX в. насчитывалось в удельной деревне Севера 15 чел. Они организовывали доставку и сбыт смолы, диктовали цены, давали смолокурам деньги в долг под проценты, понижая еще более доход последних [21; 23; 30; 31]. В середине 30-х гг. XIX в. в удельной деревне Севера бочку смолы с условием доставки в Архангельск покупали у крестьян по 0,69–0,99 руб. (везде серебром), в 1840 г. – по 1,07–1,17 руб., в 1857–1861 гг. – по 0,80–1,25 руб. [11; 12; 20–23; 31; 32]. Как видим, доход смолокура вместе с затратами на доставку в Архангельск был невысоким, особенно если учесть затраты его труда.

При господствующих традиционных способах, так называемом ямном и корчажном, на производство бочки смолы затрачивалось 16–24 дня [23, л. 190–191]. В результате в рассматриваемый период смолокур выручал за день 5–10, реже – 15 коп. сер. В отчете по Вельскому имению за 1859 г. отмечается, что «заработок ничтожный по сравнению с теми ужасными трудами, которые несет смолокур, ... а крестьянам существовать без смолокурения нет средств» [22, л. 69].

Доходы смолокуров увеличивались в случае строительства специальных печей. Такие печи в удельной деревне Севера появились лишь в XIX в. В этом случае из одного количества сырья смолы получали в 2–3 раза больше, чем при ямном способе. В более позднее время в печи устанавливали специальное оборудование и одновременно со смолой получали очень ценные продукты – древесной спирт, уксусную кислоту и другие продукты. Однако на установку печи, оборудования, подвозку дров и смолья нужны были деньги, которые были не у всех крестьян. Поэтому преобладал ямный способ. В 1860 г. в Вельском имении насчитывалось 1785 ям и 943 печи [19, л. 173–174; 22, л. 68–69; 25, л. 3–24].

В 20–30-х гг. XIX в. удел, обеспокоенный затруднениями крестьян Севера в уплате налогов, пытался организовать сбыт смолы через удельные конторы, просил правительство снизить пошлины за добычу смолы и разрешил кредитование смолокуров из заемного капитала (создан в 1807 г.), а с 1836 г. – из приказных сельских банков. Но кредитами могли воспользоваться лишь богатые крестьяне. Остальным община отказывала в разрешении на кредит, так как в случае неплатежеспособности заемщика она сама выплачивала и ссуду, и проценты на нее [22; 23]. Не удалось уделу изменить и систему сбыта смолы. Кроме того, леса стали переходить в ведение удела (по закону – к крестьянам), поэтому о снижении пошлин более не говорилось. Напротив, удел пытался ограничить заготовку смолы только из пней или в специально отведенных лесных дачах, что при-

водило к снижению доходности смолокуров и, как следствие, к самовольным подсочкам и вырубкам лесов. Правда, количество печей увеличилось именно в эти годы, но коренного перелома в смолокурении не наступило.

При заинтересованном отношении казны и удела доходы смолокуров, вероятно, можно было поднять. Напомним, что смола в северной удельной деревне производилась в основном для продажи за границу. В 1797–1851 гг. из Архангельска вывозилось от 50 до 200 тыс. бочек смолы в год, что составляло около 98% всего экспорта смолы из России. Главным ее экспортером оставалась Англия, куда доставлялось 85–90% северной смолы. Значительное количество ее вывозилось и в Голландию, меньше – во Францию, Германию, Португалию, Италию и Норвегию [15, л. 113–114; 23, л. 185–193; 26, с. 195, 221; 27, с. 89–90; 29, л. 16–21]. Всего по Белому морю вывозилось столько же смолы, сколько ее ввозилось в Россию из Финляндии и Швеции. При этом русской казне смола обходилась в 2,5–3,5 раза дороже, чем западноевропейским купцам северная русская смола [26, с. 223–224].

В целом смолокурение имело для удельных крестьян Севера очень большое значение. Оно в 50-е гг. XIX в. приносило ежегодно до 60 тыс. руб., или 30–40% всех доходов крестьян от промыслов [11; 12; 19; 20; 22].

Развивалась в удельной деревне Севера и более сложная переработка леса, которая требовала значительного начального капитала. В основном это было связано с попытками увеличить доходность в смолокурении. Часть крестьян пыталась организовать производство, в процессе которого получали не просто смолу, а более дорогую продукцию – пек, деготь, скипидар, сажу, канифоль и другие продукты. Правда, для этого необходима была установка специального, довольно дорогостоящего оборудования. Так, в 1817 г. крестьянину Устьяжского приказа Архангельской конторы С. Туфанову разрешили построить «пековаренный завод», сметная стоимость которого составляла 1067 руб. асс. [33, л. 1–7об.]. Эти заведения устраивались на непригодных для пашни и сенокоса землях, которые сдавались крестьянам в аренду сроком от 3 до 8 лет. После истечения срока контракт пересматривался в сторону увеличения арендной платы. Например, в 1806 г. крестьяне Предтеченского приказа Архангельского имения П. Матвеев и В. Чистяков построили на неудобном участке земли «пековаренный завод» и вносили ежегодно по 22 руб. асс. арендной платы. В 1811 г. срок аренды закончился, контракт был пересмотрен, и с 1812 г. плата была увеличена до 25 руб. асс. [34, л. 9–10]. Обычно рядом с «пековаренными заведениями» крестьяне устраивали и саженные, так как сажу получали не только из смолы, пней и хвороста, но и из отходов

переработки смолы и серы на пек. Упомянутые крестьяне П. Матвеев и В. Чистяков к своему «пековаренному заводу» в 1814 г. пристроили саженный стоимостью 380 руб. асс. (около 100 руб. сер.) [34, л. 1–7]. На подобного рода «заводах» применялась уже и наемная рабочая сила, особенно на крупных.

Некоторые из крестьян наряду с получением пека и сажи начинают производить и скипидар [27, с. 80, 81]. В этом случае в печах монтировали специальные медные трубы, которые отводили пары скипидара, иначе они улетучивались, не принося пользы. Поэтому при постройке мастерской для получения пека в 1814 г. крестьянин Великониколаевского приказа Архангельской конторы Василий Чистяков установил и трубы для получения скипидара – вся постройка обошлась ему в 1311 руб. асс., или около 360 руб. сер. [35, л. 1–6]. Скипидар производился при переработке и смолы, и сосновой серы. Из серы скипидар получался лучшего качества, одновременно производитель получал и канифоль. Это, в свою очередь, привело к появлению нового занятия – добыче серы, которая соскабливалась с сосновых деревьев в течение трех лет. Затем сбор серы прекращался, иначе подсоченные деревья были непригодны для получения из них смолы. В 1858 г. в Вологодской конторе съемкой сосновой серы занималось около 300 чел., которые выручили от ее продажи 1,5 тыс. руб. (по 5 руб.). В 1861 г. только в Устьвельском приказе этой конторы на заготовке серы трудилось 650 чел., которые заработали 2,3 тыс. руб., или по 3,5 руб. на душу [12, л. 63об.; 18, л. 28–29].

Конечно, производство пека, особенно дегтя, скипидара, канифоли и некоторых других продуктов перегонки было сосредоточено на Севере в основном у купцов. Хотя оно существовало и у отдельных жителей удельной деревни, где доходы от него по сравнению, например, со смолокурением, составляли незначительную часть. В 20-х гг. XIX в. удельные «поселяне» Архангельской губернии продали пека на сумму свыше 250 руб., скипидара – до 125 руб. и сажи – до 250 руб. (езде сер.) [30, л. 5–6]. Однако, не давая больших приращений к общему доходу по северной удельной деревне, производство этих товаров являлось средством обогащения некоторых крестьян. Например, в 1857 г. в Вологодской конторе 27 крестьян выручила за сажу 697 руб. (по 25 руб. на душу), 12 крестьян за деготь – 734 руб. (по 65 руб.) и 6 чел. за пек, скипидар и канифоль – 6410 руб. (по 1068 руб. на душу) [12, л. 41об.]. Большие доходы последних шести крестьян вполне правдоподобны, так как по расчетам чиновников, при соответствующем оборудовании для переработки смолы на пек, скипидар, спирт и другие компоненты предприниматель мог получать до 100% чистой прибыли. Поэтому на таких же, как и в Вологодской конторе, 6 «заводах» удельные крестьяне Архангельской губернии в начале 50-х гг. XIX в. производили продукции на 8102 руб.

(по 1350 руб. на каждом). В 1861 г. здесь в 2 из 7 подобных мастерских реализовали продукции на 4698 руб. [35, с. 179]. Скипидар, деготь, сажа, канифоль и часть пека, в отличие от смолы, поступали в основном на внутренний рынок и вывозились в Москву, Петербург, Ярославль и часть, через тот же Архангельск, за границу [30, л. 5–6; 35, с. 179].

Долгое время удельные крестьяне, наряду с государственными, относительно свободно занимались лесными промыслами, выплачивая лишь вполне умеренные пошлины за смолокурение и отпускные билеты на вырубку леса. В 1830-х гг. казна начала отделять лесные массивы для пользования удельным крестьянам Европейского Севера. Удел же стал считать эти угодья своей собственностью, начал увеличивать плату за лесопользование и ограничивать или даже запрещать некоторые промыслы. В 1839 г. в Вологодской конторе «лесные доходы» удела составили 3985 руб., в 1858 г. – уже 50544 руб. [6, л. 256; 36, л. 72]. В Архангельской конторе эти доходы стали фиксироваться только с 50-х гг. XIX в. В 1854 г. они равнялись 6204 руб., в 1858 г. – 61569 руб., т.е. увеличились почти в 10 раз [6, л. 256; 37, л. 93].

Запретительные меры удела в вопросе лесопользования крестьяне справедливо считали незаконными и пытались эксплуатировать леса «на прежних основаниях». Удельные чиновники объявляли такие действия крестьян самовольными. В 1859 г. они посчитали, что крестьяне Вельского имения самовольно вырубил 1046 строевых деревьев, 65 сажень дров и сняли 70 пудов бересты. Всех «уличенных» крестьян оштрафовали, а товар конфисковали [38, л. 42об.–43]. Здесь в том же году 32 крестьянина за самовольные порубки кроме денежных штрафов были приговорены еще и к наказанию розгами по 20–22 удара [22, л. 79об.–80]. Несмотря на репрессии самовольные порубки (в восприятии удела) продолжались и принимали особенно большие размеры в неблагоприятные для сельского хозяйства годы. Так, в неурожайный 1862 г. удельные чиновники выявили самовольно заготовленных 5608 строевых и 5972 подсоченных дерева, 290 сажень дров, 50 пудов бересты, 388 штук теса, 20 желобов, 176 лукошек, 349 бочек смолы, 466 пудов дегтя, вновь подсоченных 3850 деревьев и ряд других нарушений [39, л. 26]. Затруднения в лесопользовании иногда приводили крестьян к поиску новых способов добычи денег. В частности, с середины 40-х гг. XIX в. у крестьян Архангельского имения появился новый промысел – добыча из еловых шишек масла, которое шло на приготовление высококачественных лаков и красок [31, л. 26–26об.].

Отметим, что в удельной деревне Севера, в отличие от казенной, охота и рыболовство не носили самостоятельного характера. И хотя охотой и рыболовством занималось довольно большое число удельных крестьян, их добыча на человека была невелика. В 1850-х гг.

в Вологодской удельной конторе охотник в год добывал продукции на 1,5–3 руб., рыболов – на 5–8 руб., и вся их добыча оценивалась в 4–5 тыс. руб. [11, л. 41об.; 12, л. 63об.]. В Архангельской конторе лучший охотник мог заработать в год не более 10 руб., а вся продукция охоты оценивалась в 4–5 тыс. руб. [22, л. 91об.]. Если казенным крестьянам Архангельской губернии охота и рыболовство давали до 60% всех денежных поступлений от промыслов, то удельным – в пределах 3–4% [35, с. 158–172; 40, с. 84].

Среди удельных крестьян имелись плотники, кузнецы, чеботари, столяры, сапожники, печники и другие ремесленники. Некоторые из крестьян заводили небольшие мастерские и занимались выделкой овчин, добычей кричного железа, кирпича и другой продукции [6; 11–16; 19–22; 38–39]. С течением времени эти промыслы расширились. В 20-х гг. XIX в. крестьяне Архангельской конторы выручали от продажи продукции салотопных мастерских около 200 руб. асс., столько же от мыловаренных, от кожевенных заводиков – примерно 500 руб. асс., а всего – 900 руб. асс. или 237 руб. сер. В 1847 г. доходы этих «заводов» составили уже 16 тыс. руб. сер. [30, л. 5–6; 41, л. 46об.]. В 1858 г. в Вологодской конторе кожевенные мастерские имели 40 чел., красильные – 45, выделкой овчин занимался 101 крестьянин [12, л. 63об.]. К началу 1870-х гг. в бывших удельных волостях Архангельской губернии имелось 48 кожевенных заводиков и 114 – замшевых, овчинных, мыловаренных, коптильных, свечных и красильных [42, с. 44–67]. Продукция подобных мастерских удовлетворяла в основном внутренние потребности удельной деревни. Но в 1840–1850-х гг. она поступает и на рынки в уездные и губернские города Севера. В отдельных случаях наблюдалась внутриуездная специализация. Так, все производство холстов и сукна Шенкурского уезда было сосредоточено в Устьпаденском приказе. В нем в начале 70-х г. XIX столетия почти 2 тыс. чел. (20% населения) занимались сукноделием и выпуском холстов [42, с. 44–67].

Появлялись и новые виды занятий. В связи с развитием картофелеводства в Архангельском имении строятся два паточных «завода», доход одного из них в 1853 г. составил 300 руб. [43, л. 32об.]. В 1848 г. в Вологодской конторе один из «образцовых хозяев» впервые начинает делать «из простой шерсти валяную обувь» (валенки) [44, л. 61]. Через 10 лет здесь этим ремеслом занималось уже 169 чел. [11, л. 63об.]. Несколько десятков крестьян валяли обувь и в Архангельской конторе [6; 19; 20; 38].

В рамках политики попечительства удел поощрял участие крестьян в выставках – губернских, всероссийских и даже международных [6; 19; 20; 36; 37; 41–45]. На Архангельской губернской выставке в 1844 г. из удельного имения были представлены кожи, овчина, «валяные сапоги», мыло. Мастерские удельного

крестьянина Бекетова представляли свечи и деготь, крестьянина Стрелкова – смолу и пек. Многие из крестьян, участвовавших в выставке, получили различные награды за представленные изделия. В 1853 г. на Вологодской губернской выставке 12 удельных крестьян получили денежные награды от 3 до 25 руб. сер. и 4 похвальных листа [45, л. 38]. В 1853 г. один из крестьян Архангельской конторы получил бронзовую медаль Лондонской выставки за «валяную обувь» [45, л. 38].

По оценке удельных чиновников, в 50-е гг. XIX в. промыслы приносили удельным крестьянам Архангельской губернии доход до 150–200 тыс. руб. ежегодно и примерно столько же в Вологодской. В среднем на ревизскую душу это составляло по 5–7 руб. [6; 12; 19; 20; 36; 37; 41–45].

Таким образом, неzemледельческие занятия играли важную роль в обеспечении жизнедеятельности

удельных крестьян Европейского Севера России. В первой половине XIX в. расширяются объемы продукции существующих промыслов и ремесел, возникает ряд новых занятий крестьян. Политика удела, с одной стороны, поощряла неzemледельческую деятельность своих «поселян», с другой – напротив, ставила препоны. В ряде случаев удел не учитывал местных особенностей и традиций хозяйственной жизни крестьян. На Севере это проявлялось, в частности, в отношении лесопользования и развития ряда лесных промыслов.

Неzemледельческая деятельность удельных крестьян могла быть усилена при заинтересованном к ней отношении со стороны государства и удела. Самое главное, развитие неzemледельческой экономики противоречило крепостническим порядкам и требовало их отмены.

Библиографический список

1. История северного крестьянства. – Архангельск, 1984. – Т. 1.
2. История Коми с древнейших времен до наших дней. – Сыктывкар, 2004. – Т. 1.
3. Котов П.П. Внеземледельческие занятия населения Коми края в конце XVIII – первой половине XIX веков // Научные доклады. Серия препринтов. №17–99. – Сыктывкар, 1999.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое (ПСЗ РИ – 1). – СПб., 1830. – Т. XXIV. – №17906.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 515. – Оп. 5. – Д. 87.
6. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 70.
7. ПСЗ РИ – 1. – Т. XXX. – №23020.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе (ПСЗ РИ – 2). – СПб., 1858. – Т. XXXIII. – №33861.
9. Государственный архив Архангельской области (ГААО). – Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 2213.
10. РГИА. – Ф. 1345. – Оп. 104. – Д. 250.
11. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 1742.
12. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 1749.
13. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 16. – Д. 11.
14. ГААО. – Ф. 925. – Оп. 3. – Д. 1.
15. ГААО. – Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 2362.
16. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 12. – Д. 498.
17. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). – Ф. 740. – Оп. 5. – Д. 215.
18. ГАВО. – Ф. 740. – Оп. 5. – Д. 414.
19. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 72.
20. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 73.
21. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 180.
22. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 2267.
23. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 34. – Д. 80.
24. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 16. – Д. 807.
25. ГААО. – Ф. 925. – Оп. 2. – Д. 429.
26. Богуслава О.А. Заметки о лесной промышленности и о главных лесных рынках в Беломорье // Журнал Министерства внутренних дел. – 1853. – №5.
27. Воронов П. Смоляное и скипидарное производство в Вельском уезде // Труды Вольного экономического общества. – 1856. – Т. 3.
28. ГААО. – Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 2361.
29. РГИА. – Ф. 379. – Оп. 4. – Д. 1559.
30. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 10. – Д. 764.
31. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 643.
32. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 2287.
33. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 13. – Д. 34.
34. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 13. – Д. 25.
35. Козлов Н. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Архангельская губерния. – СПб., 1865.
36. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 49.
37. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 66.
38. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 2266.
39. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 2311.
40. История северного крестьянства. – Архангельск, 1986. – Т. 2.
41. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 56.
42. Статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Составлено помощником председателя статистического комитета г. Минейко. – Б.м., б.д.
43. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 60.
44. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 57.
45. РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 63.